НОАМ ХОМСКИЙ

В ЗАЩИТУ ПОЛ ПОТА

Ноам Хомский

В защиту Пол Пота

Серия «Против течения»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74685351
В защиту Пол Пота:
ISBN 978-5-00269-328-3

Аннотация

Ноам Хомский – выдающийся левый интеллектуал, лингвист, один из самых цитируемых из ныне живущих учёных. Выдающийся мастер публицистики и неустанный критик НАТО и американский гегемонии.

Однако мало кто знает, что Хомский всегда последовательно выступал в поддержку «красных кхмеров» и лично Пол Пота. Известный учёный никогда не отрекался от своей поддержки Демократической Кампучии и всячески способствовал разоблачению лживых мифов о ней.

Перед вамп – книга, написанная им в 1979 году и позднее многократно переиздававшаяся. В ней один из наиболее влиятельных марксистов нашего времени спорит с доминирующим либеральным нарративом, где Пол Пот представлен как абсолютное зло.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Глава первая 5
Конец ознакомительного фрагмента. 33

Ноам Хомский
В защиту Пол Пота

© Хомский Н., 2026
© Катайцева Э. С., перевод, 2026
© Нигматулин М. В., перевод, 2026.
© ООО «Издательство Родина», 2026

Глава первая

Третья жертва американской агрессии и жестокости в Индокитае (после Вьетнама и Лаоса), Камбоджа, стоит особняком по сравнению с послевоенными Вьетнамом и Лаосом. В то время как западная пропагандистская система отбирает и фильтрует информацию о Вьетнаме, чтобы создать требуемый образ страны, страдающей под коммунистической тиранией – единственного источника её нынешних проблем, – ей не удалось материализовать ту кровавую баню, которую столь уверенно предсказывали (Лаос, как обычно, остаётся почти незамеченным). Фактически, по историческим меркам обращение с коллаборационистами в послевоенном Вьетнаме было относительно мягким, что видно из рассмотренных прецедентов, хотя провокация для безжалостной мести была несравненно больше, чем в изученных нами случаях. Но в случае с Камбоджей нет никаких трудностей в документировании крупных злодеяний и притеснений, в основном из сообщений беженцев, поскольку с окончания войны страна была почти полностью закрыта для Запада.

Можно было бы предположить, что в Соединенных Штатах, несущих главную ответственность за то, что Франсуа Поншо называет «Голгофой одного народа», репортажи и дискуссии были бы окрашены чувством вины и сожаления.

Однако это редко имело место. Роль и ответственность США были быстро забыты или даже открыто отрицались, пока жернова пропагандистской машины продолжали молоть. Из всего спектра информированных мнений отбирались, преувеличивались, искажались и вколачивались в общественное сознание через бесконечное повторение лишь самые крайние обвинения. Вопросы, которые очевидно имеют решающее значение даже вне наследия войны – например, источники политики послевоенного камбоджийского режима в историческом опыте, традиционной культуре, кхмерском национализме или внутреннем социальном конфликте – обходились молчанием, в то время как пропагандистская машина тяготела к разоблачению зол конкурирующей социально-экономической системы, дабы утвердить свой базовый принцип: что «освобождение» «марксистами» – это худшая участь, которая может постичь любой народ, находящийся под западным господством.

Хроника злодеяний в Камбодже обширна и часто ужасна, но она никоим образом не удовлетворила требования западных пропагандистов, которые вынуждены старательно перекладывать вину за страдания Индокитая на жертв Франции и Соединенных Штатов. Вследствие этого имело место масштабное фабрикование доказательств, волну которого не останавливает даже их неоднократное разоблачение. Более того, более сдержанные и осторожные оценки получают мало внимания, как и свидетельства, противоречащие хору об-

личения, доминирующему в западных СМИ. Освещение реальных и сфабрикованных зверств в Камбодже также разительно контрастирует с замалчиванием злодеяний сопоставимого масштаба в сфере влияния США – например, в Восточном Тиморе. Это освещение обеспечило многострадальной стране статус, пожалуй, самого подробно освещаемого в американской журналистике государства третьего мира. В то же время пропагандисты в прессе и других местах, распознав удачную тему, любят делать вид, что их одинокий и мужественный голос протеста едва слышен, или, напротив, что вокруг событий в послевоенной Камбодже бушуют споры.

Критики американского насилия в этой связи оказываются в любопытном положении. Будучи обычно игнорируемыми прессой, они обнаруживают, что в данном случае их комментарии жадно разыскивают в надежде, что они будут отрицать сообщения о зверствах, дабы это отрицание можно было выставить как «доказательство» того, что закоренелые апологеты коммунизма никогда не учатся и не прекращают своих грязных усилий, создающих столько проблем для благородных искателей правды, которые должны как-то проникнуть сквозь барьеры, возведенные теми, кто «защищает Камбоджу». Когда реальных примеров найти не удается, Свободная Пресса прибегает к знакомому методу вымысла; предполагаемые взгляды реально существующих критиков пропагандистской атаки известны в основном благодаря ритуальным обличениям, а не прямому ознакомлению с

ними. Или же делаются мрачные ссылки на неких безымянных людей, которые «используют смерть миллионов кхмеров для защиты [своих] собственных теорий или проектов общества».

Другой распространенный прием – громогласно заявлять, что «голубям» «следовало бы объяснить», почему произошла кровавая баня, или «признать», что их «поддержка коммунистов» – стандартный термин для обозначения оппозиции подрывной деятельности и агрессии США – была ошибочной; утверждается, что именно критики должны взять на себя ответственность за последствия американского вмешательства, а не те, кто его организовывал и поддерживал или многие годы скрывал связанные с ним факты, как это происходит и поныне.

Несомненно, нет сомнений в том, что именно американское вмешательство разожгло тлеющую гражданскую войну и принесло ужасы современной войны в относительно мирную Камбоджу, одновременно пробудив жестокую ненависть и жажду мести в разрушенных деревнях, где «красные кхмеры» вербовались под бомбардировками США и их местных клиентов. Дело дошло до того, что социал-демократический журнал может организовать симпозиум по совершенно поразительному вопросу о том, не следует ли пересмотреть оппозицию американской войне в Индокитае, учитывая ее последствия в Камбодже. Другие утверждают, что масштаб зверств в Камбодже или их природа – крестьянская

месть или систематические убийства, организованные государством – на самом деле не имеют значения; достаточно того, что зверства имели место, – позиция, которая была бы отвергнута с изумлением и презрением, если бы ее приняли в отношении «благотворных» или «конструктивных» кровопролитий.

Как и следовало ожидать, мощная волна протеста против предполагаемого геноцида в Камбодже привела к призывам к военному вмешательству в Конгрессе США; мы не будем далее комментировать тот факт, что такое предложение может быть высказано в Конгрессе Соединенных Штатов, или что этот факт означает в свете недавней истории. Взгляд на некоторые из этих предложений показывает, насколько эффективно любая забота о простых фактах была погребена под валом пропаганды.

Конгрессмен Стивен Дж. Соларз поднял вопрос о «некоторого рода международных полицейских действиях под эгидой Организации Объединенных Наций». Это предложение было выдвинуто во время показаний Гарета Портера, который разоблачал более ранние лживые заявления о кровопролитиях и также высказывал сомнения относительно доказательств, представляемых в связи с Камбоджей. В качестве свидетельства геноцидального характера камбоджийского режима Соларз сослался на «интервью Кхиеу Самфана с Орианой Фаллачи», в котором тот якобы признал, «что с момента войны было убито около 1 миллиона человек». Как

прокомментировал в ответ Портер, интервью было дано не Ориане Фаллачи, не содержало такого «признания» и, в лучшем случае, имеет весьма сомнительное происхождение и подлинность, о чем мы поговорим ниже. Несмотря ни на что, Соларз поднял вопрос о международном вмешательстве.

На слушаниях в Конгрессе год спустя сенатор Джордж Макговерн получил широкую – и несвойственную ему – огласку, предложив военное вмешательство во время показаний Дугласа Пайка, которого пресса описывает как «специалиста Госдепартамента по Индокитаю». Согласно сообщению Associated Press, Макговерн «призвал вчера к международному военному вмешательству в Камбоджу, чтобы остановить то, что он назвал «явным случаем геноцида», ссылаясь на «оценки, согласно которым до 2,5 миллионов из 7 миллионов жителей Камбоджи умерли от голода, болезней и казней после коммунистического захвата власти три года назад». Его цитируют так:

«Это самое экстремальное, что я когда-либо слышал… Судя по проценту населения, который, по-видимому, погиб, операция Гитлера на этом фоне выглядит мягко… Предусматривается ли какая-либо возможность… направить туда силы, чтобы свергнуть это правительство? Я говорю о международных миротворческих силах, а не о вторжении США с корпусом морской пехоты».

Макговерн далее заявил о «преступлении, когда, по оценкам, два миллиона невинных камбоджийцев систематически

уничтожаются или морятся голодом их собственными правителями», о случае «геноцидальной политики», который не может быть проигнорирован «Соединенными Штатами, как ведущим поборником прав человека». В тот же день по телевидению CBS он заявил, что «здесь мы имеем ситуацию, когда в стране с населением семь миллионов человек, возможно, до трети из них были систематически уничтожены своим собственным правительством», то есть «бандой убийц, захватившей это правительство». Он вернулся к той же теме несколько дней спустя, заявив в Конгрессе, что «банда убийственных головорезов систематически убивает своих сограждан. Сообщается, что два миллиона камбоджийцев были уничтожены».

Если 2–2,5 миллиона человек, около трети населения, были систематически уничтожены бандой убийц, захвативших власть, то Макговерн готов рассмотреть возможность международного военного вмешательства. Мы предполагаем, что он не стал бы выдвигать это предложение, если бы число погибших было меньше, скажем, в 100 раз – то есть 25 000 человек, – хотя и это было бы достаточно ужасно. Он также вряд ли предложил бы такую крайнюю меру, если бы смерти в Камбодже были не результатом систематического уничтожения и голода, организованных государством, а в значительной степени объяснялись местью крестьян, действиями недисциплинированных военных подразделений, вышедших из-под контроля правительства, голо-

дом и болезнями как прямыми последствиями войны США или другими факторами. Макговерн, как и все остальные, не призывал к военному вмешательству, чтобы остановить очевидную резню примерно одной шестой части населения Восточного Тимора в ходе индонезийского вторжения, хотя в этом случае простое выражение недовольства со стороны правительства, предоставляющего военное оборудование, дипломатическую и экономическую поддержку этим зверствам, могло бы вполне остановить убийственный натиск.

Предположив, что факты все же имеют значение, мы естественно спрашиваем, на чем основывались конкретные утверждения Макговерна. Запрос в его вашингтонский офис не выявил никакого источника этих обвинений или документальных доказательств в их поддержку. Интересно, что призыв Макговерна к вмешательству, широко обсуждавшийся в прессе (иногда с оттенком насмешки из-за его репутации "голубя"), не был подвергнут критике на том основании, что у него, похоже, не было серьезных оснований для своих обвинений. Насколько нам известно, ни один журналист не сообщил о попытке выяснить у Макговерна, какие доказательства, если таковые имеются, стояли за его конкретными утверждениями о фактах, сопровождавшими призыв к военному вмешательству. (По нашей просьбе один телевизионный журналист все же сделал такой запрос и получил от сотрудников информацию, что источником мог быть Лон Нол!

Ради репутации Макговерна мы предпочли бы верить, что цифры были просто придуманы.)

Исходя из того, что факты имеют значение, мы рассмотрим освещение послевоенной Камбоджи в западных (прежде всего американских) СМИ. Мы сразу признаем, что для тех, кто "знает истину" независимо от фактов, такое исследование покажется малоинтересным. Как и в других обсуждаемых случаях, наша главная цель – не установить факты о послевоенном Индокитае, а исследовать их преломление через призму западной идеологии – задача совершенно иного рода. Мы рассмотрим, какие виды доказательств используют СМИ и те, кто наивно доверяет им, и каковы критерии отбора из имеющихся материалов. Мы увидим, что общая теория Свободной прессы, хорошо подтвержденная тем, что мы уже рассмотрели, снова получает яркое подтверждение: чем серьезнее обвинения в преступлениях, приписываемых врагу, тем больше внимания они обычно получают. Разоблачение ложных сведений считается в значительной степени несущественным. Ситуация здесь отличается от фабрикации зверств "гуннов" во время Первой мировой войны, как уже обсуждалось: тогда фальсификации были разоблачены лишь спустя годы, а в данном случае они продолжают всплывать, хотя опровергаются сразу. Ответственность США в значительной степени игнорируется, хотя критики вроде Жана Лакутюра не виновны в этом невероятном моральном упущении, и практически не предпринимается попыток рассмат-

ривать послевоенную Камбоджу или достоверность сведений о ней в свете исторического опыта, подобного тому, о котором шла речь во второй главе.

Лон Нол

Поншо отмечает, что существует первичное основание поддерживать обвинения в зверствах: “исход более ста тысяч человек – это факт, и весьма значительный, сам по себе вызывающий множество вопросов.” Мы бы добавили, что по аналогии те же соображения применимы и к другим случаям: исход примерно ста тысяч человек, бежавших от победителей Американской революции, также вызывает вопросы, особенно если вспомнить, что белое население тогда составляло около 2,5 миллиона по сравнению с 7–8 миллионами камбоджийцев, и что это произошло после войны, которая велась гораздо менее ожесточенно и не сопровождалась сопоставимыми зверствами со стороны иностранных держав.

Большая часть хорошо разрекламированной информации о послевоенной Камбодже происходит из рассказов беженцев – или, точнее, из сообщений журналистов и других людей о том, что, как утверждается, сказали беженцы. На основе таких свидетельств наблюдатели делают выводы о масштабах и характере якобы совершённых в Камбодже зверств, и эти выводы затем распространяются (часто в изменённом виде) в прессе или в коридорах Конгресса. Например, Барон и Пол приводят примеры того, что они якобы услышали от беженцев, а затем заключают, что правительство Камбоджи стремится к геноциду – вывод, который затем в разных формах повторяется комментаторами. Аналогично Поншо приводит примеры сообщений беженцев и заключает, что правительство занимается “убийством народа”, при-

водя оценки числа казнённых или ставших жертвами централизованной политики. Рецензенты и другие комментаторы затем сообщают публике, что Поншо показал: камбоджийское правительство, проводя "автогеноцид", сопоставимо с нацистами, а возможно, и хуже. На каждом этапе передачи обвинения, как правило, усиливаются, что мы увидим далее.

Очевидно, что серьёзное исследование фактов и их интерпретации должно касаться нескольких вопросов: (1) характера свидетельств беженцев; (2) отбора СМИ из имеющихся данных; (3) достоверности тех, кто передаёт свою версию свидетельств беженцев и делает из них выводы; (4) дальнейших интерпретаций, предлагаемых комментаторами на основе выбранных ими материалов. Мы сосредоточимся на третьем и четвёртом вопросах, но несколько замечаний следует сделать и о первых двух.

Общеизвестно, и это очевидно любому, кто когда-либо имел дело с беженцами, знаком с историей или просто пользуется здравым смыслом, что "к рассказам беженцев действительно нужно относиться с большой осторожностью." Это банальность, которую обычно игнорируют. Например, удостоенный Пулитцеровской премии специалист New York Times по беженцам из коммунистических стран интервьюировал камбоджийских беженцев в Таиланде "в клетке размером 8 футов на 10 футов в полицейском участке этого провинциального центра", где "9 мужчин жались на голом по-

лу", почти не говоря и глядя "в узкое пространство перед собой притуплёнными глазами." Ему не приходит в голову – ни здесь, ни в других местах – относиться к рассказам, данным при таких обстоятельствах, с той "большой осторожностью," о которой справедливо говорит Поншо. Книга Баррона и Пола, популярная в СМИ, основана в значительной степени на посещениях лагерей беженцев, организованных частично представителем тайского министерства внутренних дел, чьи "знания и советы также предоставили нам неоценимое руководство." В лагерях, доступ в которые они получили при помощи этого тайского чиновника, отвечающего за вопросы внутренней безопасности, включая антикоммунистическую полицию и пропагандистские операции, они "обратились к лидеру лагеря, избранному камбоджийцами, и на основе его знания своего народа составили список беженцев, которые казались перспективными информаторами." Легко представить, какие именно "информаторы" показались бы "перспективными" этим ревностным искателям истины, к которым мы ещё вернёмся. Комментируя это, Портер отмечает, что "вожак кхмерского лагеря работает в тесном контакте и подчинении тайским чиновникам, управляющим лагерями, и поддерживаемой тайским правительством антикоммунистической камбоджийской организации, проводящей рейды и разведоперации в Камбодже." Лагеря и их руководители фактически находятся под контролем Таиланда, а живущие там в нищете беженцы полностью за-

висят от прихотей яростно антикоммунистических тайских властей – факт, который должен быть очевиден журналистам и должен был бы внушать осторожность, но полностью игнорируется Барроном и Полом, а также многими другими. Эта история слишком уж полезна, чтобы относиться к ней с необходимой осторожностью.

Поншо, который относится к делу более серьёзно, описывает обращение с беженцами в Таиланде: они проводят неделю или больше в тюрьме, прежде чем их отправляют в лагеря, где их «кормят всё меньшими порциями» и где «им приходится выражать некоторую благодарность охранникам лагеря за то, что те позволяют им выходить на поиски работы». Он продолжает:

Бесправность у них почти полная. Они живут своими воспоминаниями, вновь и вновь переживая ужасы, свидетелями которых стали. Каждый рассказывает, что видел или слышал, но его воображение и тоска по дому склонны преувеличивать и искажать факты.

По сути то же самое утверждает Чарльз Туайнинг, которого Госдепартамент считает «лучшим экспертом [по камбоджийским беженцам]… который существует в мире сегодня». Заявляя, что казни продолжаются, он говорит: «Мы узнаём о казнях от беженцев, которые только что выбрались. С ними нужно говорить сразу же, иначе история может быть преувеличена». Можно лишь попытаться оценить, насколько всё может оказаться преувеличено к тому моменту, когда

эти рассказы доходят до Баррона и Пола или Камма. Судя по их публикациям, этот вопрос их вовсе не беспокоит. Так же он не беспокоит и тех, кто опирается на эти рассказы и делает из них твёрдые выводы.

Доступ к беженцам, как правило, контролируется тайскими властями или их подчинёнными (говорить об «избрании», как это делают Баррон и Пол, без оговорок – действительно странно в подобных условиях). Переводчики также, по-видимому, принадлежат к той же категории или, по крайней мере, так воспринимаются беженцами, которые полностью зависят от благосклонности своих надзирателей. Очевидно, что такие условия крайне неблагоприятны для получения достоверных сведений – сравните, напротив, условия подготовки отчёта Брайса с его явно сфабрикованными свидетельствами. Поншо – редкое исключение, поскольку он делает очевидный вывод о необходимости проявлять особую осторожность. Безусловно, к свидетельствам беженцев следует внимательно прислушиваться, но возможности злоупотребления ими чрезвычайно велики, и те, кто желает использовать их в пропагандистских целях, могут делать это практически без ограничений.

Неудивительно, что в рассказах беженцев встречается множество внутренних противоречий. На майских слушаниях Портер приводит пример Чоу Три, который сообщил корреспонденту CBS, что стал свидетелем избиения до смерти пяти студентов солдатами кхмеров. В октябре 1976 года

он сказал Патрису де Бееру из Le Monde, что никаких казней не видел, хотя и слышал слухи о них. Портер отмечает, что он был «выбран кхмерским старостой» лагеря беженцев в Араньяпратете, где было проведено множество интервью. Подобных примеров много. Как Портер, так и Ретбёлл подчёркивают, что свидетельства беженцев нельзя отвергать, но требуется осторожность. Очевидно, что интервью, организованные в условиях, описанных Каммом или Барроном и Полом, имеют ограниченную достоверность.

Одним из беженцев, ставших известными и оказавших влияние в США, был Пин Ятай. На пресс-конференции, организованной Американским советом безопасности, Ятай, описываемый как «один из ведущих инженеров своей страны и видный член правительства», бежавший в Таиланд в июне 1977 года, заявил, что при режиме красных кхмеров люди были доведены до каннибализма: «Учительница съела плоть собственной сестры», за что её впоследствии поймали и забили до смерти в назидание другим, утверждал он, приводя также другой случай каннибализма в больнице и другие истории о голоде, жестокости и болезнях. Его интервьюировал Джек Андерсон на телеканале ABC, а его рассказы появились и в массовом журнале TV Guide в статье Патрика Бьюкенена о недостаточном освещении камбоджийской трагедии в СМИ. Позже эти истории стали основой для крупной атаки правых на Washington Post за то, что газета не освещала пресс-конференцию Пин Ятая и вообще не уделя-

ла, по мнению этих кругов, достаточного внимания камбоджийским зверствам. Le Monde опубликовала две статьи, основанные на утверждениях Пин Ятая, а также письмо другого камбоджийца, подвергавшего сомнению его достоверность и обвинявшего его в том, что он был членом «Специального комитета» правительства Лон Нола, занимавшегося контрразведкой, убийствами, возможно, наркоторговлей и, как считалось, финансируемого ЦРУ.

Правоконсервативная Bangkok Post всё же написала о пресс-конференции, на которой Пин Ятай изложил свои рассказы о каннибализме и других ужасах. Bangkok Post отметила, что «камбоджийские беженцы в Таиланде вчера подвергли сомнению сообщения о частом каннибализме в Камбодже и даже усомнились, происходил ли он вообще». Она также процитировала «другого камбоджийского инженера, который долго беседовал с Пин Ятаем, когда тот был в Бангкоке», и который сказал AFP: «Не более 40 процентов из того, что Пин Ятай сказал в США, соответствует действительности. Никогда он не заходил так далеко, разговаривая с другими беженцами на своём языке». Эта информация не распространялась организацией Accuracy in Media в её нападках на Washington Post и не появлялась в публикациях других, кто широко тиражировал рассказы Пин Ятая.

Не всех беженцев встречают столь же радушно, как Пин Ятая. Например, в лондонской Times появилась статья о вьетнамском беженце, который бежал из Вьетнама через

Камбоджу в Таиланд, куда прибыл в апреле 1976 года. Он прошёл пешком 350 миль по Камбодже за два месяца. Инженер-строитель «с высокими квалификациями», владеющий французским, тайским, кхмерским и лаосским помимо английского, этот беженец с уникальным опытом пребывания в послевоенной Камбодже, где «из-за свободного владения кхмерским и знания местности его всюду принимали за камбоджийца», кажется идеальным кандидатом для интервью в прессе. Но фактически он ни разу не появился ни в New York Times, ни в Time, ни в TV Guide, ни в других американских СМИ. Его «неквалифицированность» проявилась в том, что он сказал по прибытии в Таиланд, где впервые услышал рассказы о резне в Камбодже:

«Я не мог в это поверить. Пройдя пешком через страну два месяца, я не увидел никаких признаков убийств или массового уничтожения, и никто из тех, с кем я разговаривал, не говорил мне об этом. Я до сих пор не верю, что это происходило».

Обратите внимание, что наблюдения этого человека, беженца среднего класса из Вьетнама с подходящими антикоммунистическими политическими взглядами, не противоречат многочисленным историям о жестокостях, рассказанным другими беженцами. Напротив, они согласуются с замечаниями специалистов Госдепартамента и других экспертов о географических ограничениях самых страшных историй, и позволяют предполагать, что жестокости могли сильно раз-

личаться в разных местах, а не быть результатом централизованной кампании государственного геноцида, как утверждают СМИ и их основные источники. Но именно этот факт обрек эту историю на полное забвение в США, несмотря на её очевидную значимость как редкого свидетельства о внутренней Камбодже от, на первый взгляд, весьма надёжного источника. Мы ещё вернёмся к другим примерам, отметив пока лишь разительный контраст между медийным вниманием к этому случаю и к случаю Пин Ятая.

На самом деле даже свидетели, специально выбранные для рассказов о зверствах, нередко добавляют существенные оговорки. Например, один из свидетелей на слушаниях в Осло о нарушениях прав человека в Камбодже, прошедших в апреле 1978 года, Лим Печ Куон, говорил, что он «хорошо понимает» политику красных кхмеров. Он утверждал, что «никогда не слышал, чтобы красные кхмеры говорили о намерении уничтожить все классы, кроме рабочих и бедных крестьян»:

Он сказал, что, возможно, более правильно утверждать, что, по интерпретации красных кхмеров, реликты старых классов должны быть упразднены, но не уничтожены. Он также заявил, что никогда собственными глазами не видел казни. Когда он прибыл в Пномпень после победы красных кхмеров, он видел на улицах несколько трупов, но они были накрыты, и он не мог понять, были ли это солдаты или гражданские. Он ясно дал понять, что его побег на вертолёте был

вызван отсутствием свободы.

Хотя СМИ создают впечатление, что беженцы единогласно рассказывают истории ужасных зверств, журналисты изредка замечают, что рассказы на самом деле более разнообразны. Джон Фрейзер из канадской Globe and Mail, чьи материалы о Вьетнаме мы коротко обсуждали в четвёртой главе, также посетил лагерь камбоджийских беженцев во Вьетнаме, «полностью готовый услышать множество историй о массовых казнях, кровавых обезглавливаниях и жестокости красных кхмеров», особенно учитывая, что лагерь находился всего в пятидесяти милях от границы, где шли «смертельные бои»:

К своему удивлению, я услышал множество рассказов о лишениях, но не о зверствах – за исключением одного вторичного свидетельства об исполнении казни двух человек. Истории о жизни в Камбодже были достаточно мрачными, и рассказы о зверствах в целом подтверждались, но в этом лагере никто не смог рассказать мне ни одного такого случая. В конце концов я был вынужден спросить, знает ли кто-нибудь об исполнении казни, и лишь после долгого времени мне рассказали эту вторую-рук историй. Я не делаю из этого никаких выводов, кроме того, что это было странно – с таким количеством беженцев не удаётся получить больше сведений, особенно учитывая, что такие сведения были бы полезны для вьетнамской пропаганды.

Мы знаем только одного говорящего на кхмерском язы-

ке западного исследователя, специалиста по Камбодже, который посещал лагеря беженцев в Таиланде без присмотра властей, – Майкла Викери. Он сообщает следующее о своём визите в августе 1976 года:

«Поскольку я говорю по-кхмерски, я был для них чем-то вроде диковинки, и собрать вокруг себя толпу, слушавшую мои вопросы или просто неорганизованный разговор, не составляло труда. Вскоре стало ясно, что среди беженцев существует большое разногласие относительно условий в Камбодже. Некоторые настаивали на версиях о жестокостях, другие отрицали их или подчёркивали, что убийства были редкими и происходили по вине жестокости отдельных лидеров. Таким образом, многие беженцы признавали, что покинули страну потому, что не любили суровые условия труда при новом режиме, а не потому, что сами были под угрозой смерти или жестокого обращения. Впрочем, это уже было очевидно при внимательном чтении газетных публикаций. Более же любопытно было то, что однажды, когда мы остались с одним мужчиной наедине, он сам обратил внимание на отсутствие единодушия и добавил, что посторонние этого не замечают, потому что не понимают кхмерский язык. По его словам, власти лагерей организовали франко- и англоязычных беженцев как информаторов, чтобы они излагали журналистам официальную линию.»

Мы вернёмся к опубликованным и частным комментариям Викери, которые ценны и весьма уместны.

Не каждому, кто интересуется анализом рассказов беженцев, предоставляется такой доступ, какой Министерство внутренних дел Таиланда дало Баррону и Полу. Специалист по Камбодже из Корнеллского университета Стивен Хедер – бывший журналист в Пномпене, владеющий кхмерским, автор статей о современной Камбодже и известный своей скептической оценкой выводов, которые журналисты делают после организованных туров по лагерям беженцев, – получил финансирование от Совета по социальным наукам и программы Фулбрайта для систематического исследования послевоенной Камбоджи на основе свидетельств беженцев и радиопередач Пномпеня. Однако генеральный секретарь Национального исследовательского совета Таиланда сообщил ему, что «нынешняя политическая ситуация в Таиланде не позволяет рассматривать подобного рода исследование. Поэтому, если вы всё ещё намерены проводить исследовательскую работу в Таиланде, просим вас изменить тему». Один из способов создать впечатление, что рассказы беженцев *всегда* и *без исключений* сообщают об atrocities, – это не допускать компетентных исследователей, владеющих кхмерским и не нуждающихся в сопровождении тайских министров или «избранных командиров лагерей», к самостоятельному изучению свидетельств. У нас нет сомнений, что когда Хедер опубликует свои материалы о современной Камбодже, его работу раскритикуют те, кому не понравятся его выводы, утверждая, будто он «игнорирует данные бежен-

цев».

Подведём итог. Несколько моментов заслуживают внимания. Сообщения беженцев следует воспринимать всерьёз, но осторожно. В своём желании получить «доказательства», которые можно использовать для очернения режима в Камбодже, такие репортёры, как Баррон и Пол или Генри Камм, судя по их собственным признаниям, не соблюдали самых элементарных предосторожностей, которые должны быть самоочевидны для любого серьёзного журналиста и на которые специально указывают Поншо, Твайнинг и другие. Средства массовой информации, кроме того, имеют свои собственные критерии того, какие свидетельства подчёркивать, а какие игнорировать. Чтобы оценивать рассказы беженцев, необходимо учитывать сильную предвзятость как в отборе историй, так и в обращении с ними. Кажущаяся единообразность свидетельств беженцев отчасти является артефактом, отражающим предвзятость СМИ. В частности, было бы трудно построить аргумент в пользу тезиса о централизованном руководстве и планировании жестокостей, основываясь на предполагаемом единообразии рассказов, поскольку на самом деле наблюдается значительное разнообразие; чтобы поддерживать такой тезис, нужны другие доказательства – например, документальные. Нежелание тайских властей допускать независимые научные исследования также вызывает вопросы, учитывая очевидный интерес Таиланда – разделяемый западными СМИ и правительствами – представить макси-

мально негативную картину послевоенной Камбоджи. Мы рассмотрим эти вопросы подробнее ниже, но даже краткий взгляд на обращение со свидетельствами беженцев показывает необходимость осторожности.

Сообщения беженцев – один из важнейших источников информации об обществе, столь закрытом от внешнего мира, как послевоенная Камбоджа. Вторым звеном в цепи передачи информации, поддающимся определённой независимой проверке, являются журналисты и другие люди, которые передают эти свидетельства. Исследовать их надёжность – важнейшая задача при оценке материалов, доходящих до общественности. Тех, кто выражает скептицизм относительно газетного шквала, обычно обвиняют в том, что они отказываются верить рассказам несчастных беженцев – позиция, которую куда легче продавать, чем правду: что на самом деле они ставят под вопрос прежде всего надёжность тех, кто *передаёт* – и, возможно, *использует* – страдания беженцев и их предполагаемые слова. Когда рассказы беженцев передаются журналистами, чья порядочность доказана, они заслуживают большего внимания, чем когда источник неизвестен или явно заинтересован. Когда репортёр «Правды» описывает ужасы американских бомбардировок Северного Лаоса, разумный наблюдатель будет более скептичен, чем когда аналогичные свидетельства предоставляет Жак Декорне из *Le Monde*. Точно так же, когда Лео Черн, председатель Международного комитета спасения, говорит о варварстве

Красных кхмеров, разумный читатель вспомнит прежнюю историю этого давнего апологета американского насилия и угнетения, скрывающего своё убогое поведение под гуманитарной риторикой – например, его крайне циничное описание жертв американских бомбардировок в Южном Вьетнаме: «Существует более 700 000 дополнительных беженцев, которые недавно бежали из сельской местности, контролируемой Вьетконгом, и своим бегством выбрали скудное убежище, предоставляемое правительством Южного Вьетнама».

Определить надёжность тех, кто передает сообщения, – важнейшая задача для всех, кто стремится узнать правду – будь то о Камбодже, будь то о современной фазе империалистической идеологии. Существует лишь один способ исследовать этот вопрос: внимательно следить за тем, как используются цитаты и доказательства. Подобное исследование может показаться бессмысленным, неуместным или даже жестоким тем, кто уверен, что уже знает истину. Лакутюр выражает чувства, которые нередко встречаются, в своих «Поправках»:

«Столкнувшись с предприятием столь же чудовищным, как новое камбоджийское правительство, следует ли считать главной задачей выяснение того, кто именно произнёс бесчеловечную фразу, и убил ли режим тысячи или сотни тысяч несчастных людей? Имеет ли решающее историческое значение знание того, было ли в Дахау сто тысяч или пятьсот

тысяч жертв? Или расстрелял ли Сталин тысячу или десять тысяч поляков в Катыни?»

Можно добавить: важно ли, были ли жертвы в Ми Лае исчисляемы сотнями, как сообщалось, или десятками тысяч, или погибли ли в ходе операции *SPEEDY EXPRESS* 5 000 или 500 000 мирных жителей, если фактор 100 столь несущественен? Если факты настолько не важны, зачем вообще приводить предполагаемые факты?

Если бы камбоджийский режим действительно был, как считает Лакутюр, столь же чудовищен, как нацисты в худших проявлениях, его замечание было бы понятно – хотя стоит отметить, что он не представил никаких доказательств в поддержку этого суждения. Но если более уместным сравнением является, скажем, Франция после освобождения, где минимум 30–40 тысяч человек были казнены за несколько месяцев, причём при куда меньших мотивах для мести и значительно менее тяжёлых условиях, чем те, что оставила американская война в Камбодже, то, возможно, выводы должны быть иными. Как мы увидим, среди компетентных наблюдателей существует значительный разброс мнений по этому поводу, хотя пресса предпочитает выводы Лакутера, обычно игнорируя «простые вопросы факта».

Мы не согласны с оценкой Лакутюра относительно важности точности в этом вопросе, особенно в нынешнем историческом контексте, когда обвинения в геноциде используются для того, чтобы отмывать западный империализм, отвлекать

внимание от «институционализированного насилия» расширяющейся системы субфашизма и создавать идеологическую базу для нового вмешательства и угнетения. Мы видели, насколько эффективно западная пропагандистская система создаёт, украшает, раздувает, искажает и подавляет свидетельства в зависимости от потребностей империализма. Господство Запада над мировыми коммуникациями делает ещё более важным тщательный анализ тех свидетельств, которые так удобно соответствуют насущным идеологическим задачам. В этом контексте становится интересным вопрос, действительно ли в Камбодже, например, банда марксистских убийц систематически занимается тем, что Лакутюр называет «автогеноцид» – «самоубийством народа во имя революции; хуже – во имя социализма», – или же самые тяжёлые зверства были совершены крестьянской армией, завербованной и выгнанной из своих разрушенных бомбардировками США деревень, а затем мстившей городской цивилизации, которую она считала, не без оснований, соучастницей своего уничтожения и своей долгой истории угнетения. Будущие жертвы имперского варварства не поблагодарят нас за помощь в кампании по возвращению общества к апатии и конформизму, чтобы подчинение слабых могло продолжаться без раздражающих внутренних препятствий. Особенно в таких странах, как Франция и США – упомянем лишь двух международных громил, чьи послевоенные злодеяния вовсе не кажутся столь незначительными тем, кто стал или мо-

жет стать их жертвами, как они кажутся дома, – крайне важно проявлять абсолютную скрупулёзность в вопросах факта, уделять серьёзное внимание прошлой истории и критически анализировать любую доступную информацию о текущей ситуации.

Внимание к фактам было особенно важно в условиях 1975–1978 годов, когда крайние и неподтверждённые обвинения могли использоваться в поддержку военного вмешательства – что, как мы видели из заявлений Макговерна и, что более значимо, из контекста вьетнамского вторжения, вовсе не было маловероятным.

Кроме этих соображений, которые кажутся нам весьма существенными, если уж кто-то собирается обсуждать Камбоджу, то стоит хотя бы попытаться понять, что же там действительно произошло – а это совершенно невозможно, если отказаться от критических стандартов и позволить «фактам» быть выдуманными, пусть даже из искреннего гнева или скорби.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.